

Иосиф Куффель

Краков

Трагедия Николая Ставрогина.
Борьба добра и зла
в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

1. Художник первых причин

В те минуты ожидания смерти на эшафоте внутренняя личность упредила смерть и почувствовала себя живою и сосредоточенною в одном акте воли уже за ее воротами. Личность была насильственно оторвана от феноменального и ощутила впервые существенность бытия под покровом видимости вещей, из коей сотканы ограда воплощенного духа¹.

Можно предположить, что на эшафоте Достоевский действительно пережил какое-то крайнее потрясение, выходящее за пределы как физических, так и психических ощущений, которое имело капитальное значение для преобразования мировоззрения писателя и его дальнейшего творчества. После Сибири они принимают вид *реалистического символизма*², основанного на интуиции высших реальностей. Автор пользуется созерцанием как методом – объектом созерцания делается мировая реальность, принимаемая в действии как актуальная форма метафизического начала.

¹ В. И. Иванов, *Борозды и межи*, в: В. И. Иванов, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 4, Брюссель 1987, с. 422.

² О патристических источниках этого понятия – см. J. Kuffel, *W drodze na Tabor. Theosis w życiu i twórczości św. Paisjusza Wieliczковского*, Kraków 2005, s. 27.

В произведениях реалистического символизма описываемый мир объектов хотя и существует реально, но одновременно выполняет роль *моста*. От него (или благодаря ему) читатель перемещается в мир, существующий *реальнее* – в действительность непреходящих субъектов. Можно здесь доискиваться некоторого сходства с философией Платона, в которой то, что доступно органам чувств, считается лишь впечатлением (символом) сущих Идей. Но подобие это, очень отдаленное, более относится к теории познания, чем к онтологии. Для Платона познаваемые предметы (объекты) – только тени идеальных, как подразумевается, субъектов. Достоевский и объектам приписывает реальное бытие – ведь и тела участвуют в общевселенской истории Искупления, и именно это позволяет ему чаять метафизическую драму в движениях мира и плоти, в которых она отражается, как в зеркале. Это таинственное чаяние – в самом деле шестое чувство, которое иные называют верой, а другие интуицией, и которое всегда более связано с сердцем, чем с умственной сферой в человеке.

Процесс восприятия читателем произведения *реалистического символизма* принимает обратное направление по сравнению с творческим маршрутом автора. Последний, создавая, например, роман, сперва должен интуитивно постичь высшую реальность, чтобы впоследствии выразить ее под видом символов, сочиненных из элементов низшей (*a realioribus ad realia*). Читатель, вникая в содержание романа, поднимается на *горнюю цепь*. Кроме свежих следов автора, направленных к долинам, он встречает и старые, ведущие кверху (творческая предистория). На свой путь (*a realibus ad realiora*) он должен снарядиться способностью *проникновения* и интуицией как необходимыми орудиями.

«Бесы» создавались под влиянием эсхатологических откровений св. Иоанна Богослова. «Апокалипсис» послужил Достоевскому трафаретом для написания романа. Но св. Иоанн – это *иконописец*, и так как ему нельзя было представлять конечных истин в виде пышных аллегорий, общевселенскую драму он выразил в символах. Достоевский прежде всего художник слова и он внутреннюю трагедию духа изображает аллегорически в эпосе-трагедии. Здесь и глубокая психология и мастерство изложения внешних картин, но сущности его творчества не постигнет тот, кто остановится лишь на двух первых уровнях. Федора Михайловича преимущественно интересуют первые причины движения духа и плоти, весь свой литературный гений он употребил для выражения невыразимой метафизики в прозе.

2. Лжегерой мировой трагедии?

Шигалев лишь пророк *первого зверя*, Петр Верховенский – предтеча, а кто такой Ставрогин? Был бы ли он действительно тем, кому предназначено *вложить дух в образ зверя*³? Петр целует у него руку и делает коленопреклонение, как будто перед апокалиптическим лжепророком. Шатов обожает Ставрогина как носителя (выразителя) идеи русского народа-богоносца, он даже целует следы его ног (стоп). Но *блудливый барчок* отказывается от обоих имен – он в равной степени самозванец как *князь тьмы* и как *царь света*.

Разве он только маленький герой – князек, который также обманул ожидания читателя? Античная трагедия всегда связана с мотивом трагической вины. В чем же заключается его вина? – в теплоте. Отец Тихон снял личину с его лица. Все ожидали чего-то слишком необычайного, почти гениального, хотя бы в отрицательном смысле, а обнаружилась лишь нечистота *гроба окрашенного*⁴. А ведь трагедия нуждается в настоящих героях, гениях добра или зла (пешки тоже нужны, но как фон), иначе она теряет весь пафос. В субъективном смысле Ставрогин пережил *трагедию* – наконец-то убедился в своей неоригинальности, но ведь это более психологическое ощущение, которого не вынес слабый герой и повесился. Если же он такой ничтожный *потерянный человек*, можно еще сказать: *вот дал промах*, но уверять о *неразрешимых антиномиях, приговоре рока* – нелепость. Никакого тут нет пафоса, а лишь сочувствие неудачнику. Зачем тогда кричать о вершинах мировой трагедии?!

3. Трагедия рока и обреченности

Главное действие происходит *на небесах*, а Ставрогин нехотя принимает в нем участие, и в этом значении катастрофа его жизни получает высший смысл. Николай Всеволодович оказывается в лагере сатаны, он гибнет от гордыни и неверия. Его не спасет женщина, как Раскольникова, потому что ее уже нет – и это он виноват в зверском убийстве своей законной жены. Но ведь само передвижение действия

³ Отк. 13, 15. Все библейские цитаты приводятся по изданию: *Библия, книги священного писания Ветхого и Нового Завета*, в русском переводе, Объединенные Библейские Общества, Нью-Йорк – Женева – Лондон, без года.

⁴ Ср. *Мат.* 23, 27.

(на небеса) еще не означает подлинной трагедии. Есть трагические ощущения – страсти, которые впоследствии сжигают личность героя, и это в стиле новой *трагедии переживаний*, но отнюдь не традиционной *трагедии участи*⁵.

Герой родился *барчком*, воспитан светской философией, оторван полностью от *народной почвы*. У него нет никаких опор – родных, близких сердцу ценностей. Да, но ведь и Родион Романович был оторванным от народа интеллигентом, и безбожником, и болезненно гордым. Однако существует существенное различие, хотя на первый взгляд оно может показаться только внешним. У этого чуть было не осуществившегося сверхчеловека с самого начала жизни были любящие его существа. Пусть не очень-то образованные (особенно по сравнению с остроумным Степаном Трофимовичем) и не такие изящные, как Варвара Петровна, но зато уж очень любящие, даже слепо – до самозабвения и сумасшествия.

Предопределение судьбы Ставрогина в равной степени относится к его детству. Люди оставили душу ребенка без пищи, кормили ум и тело, а забыли о главном. И увяла душа одинокая – без любви; к Богу не обратилась и никого никогда не смогла полюбить. Как же он мог впоследствии уверовать, если в глубине его души не было *чувствования Бога*? Как мог припомнить Того, которого первоначально скрыли от него. Образ Божий давным-давно – после падения Прародителей и грехов всех предыдущих поколений – был в человеке замутнен, только любовь самых близких людей могла внушить его душе надежду, что придет Тот, Кто суть Любовь и чудесным образом возродит в ней потерянное Божье подобие.

Ставрогин понял потом, что христианство (православие) заключает в себе разрешение всех нравственных и социальных вопросов мира⁶. Он даже уразумел больше:

Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. Вера – это не одно умственное признание превосходства Его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, все воплощенное Слово, Бог воплотившийся. Потому что при этой только вере мы достигаем обожания,

⁵ Ср. В. И. Иванов, указ. соч., с. 428.

⁶ Ср. Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона», *Рукописные редакции*, (в): Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 11, Ленинград 1974, с. 180.

того восторга, который наиболее приковывает нас к Нему непосредственно и имеет силу не совратить человека в сторону⁷.

Но вера не постигается диалектикой, она рождается в сердце – как в случае Раскольникова, который, полюбив Соню, открыл себе путь к Богу.

Ставрогин всех обольщает безмерностью своих желаний, ими он выделяется из толпы недалеких *небокоптителей*. Но при всем своем огромном *хотении* (метафизическом) он не в силах *выйти из себя в творческом акте любви*⁸, личность его истощается во внутреннем хаосе и беспорядочных переживаниях.

Тихон: «Сильные ощущения, никогда ничем не направленные. Миллионам это сходит с рук. Иные игрушками утешаются (орденами, картами, каретами, накоплением денег). Но сильные натуры сами с собою не примиряются и твердого камня ищут, на котором бы утвердиться. Камня этого нет у вас; ибо он один, а вы не верите».

– Святого ничего не ведаете! Хоть что-нибудь за святое почитите.

– Для чего?

– Это не для чего делается, а так. Влечет неотразимо – ибо гармония. Коль не ощущаете потребности и ничего не любите, то, разумеется, неспособны. Но горе, через кого соблазн приходит⁹.

Вот и есть *возмездие за вину своего возникновения*¹⁰ и *невольные согрешения*, ведущие ко *второй смерти*¹¹. Вот настоящая трагедия Николая Ставрогина. Это уже не отчаяние гения-неудачника или падение какой-нибудь идеологии: шигалевщины, шатовского народа-богоносца либо человекобога Кириллова. Нет, тут истинная трагедия бессмертного существа – человека, который вопреки самому себе (т. е. Божему призванию) переродился в беса.

Бердяев-гуманист пытается разуверять: *после трагической гибели будет новое рождение, будет воскресение*. Он все еще высматривает нового Николая Ставрогина: *красавца, сильного, обаятельного, гениального творца*, хотя знает, что его надежда вопреки православному чаянию. Ради спасения своего любимого героя (и человеческого

⁷ Там же, с. 187–188.

⁸ Н. А. Бердяев, *Ставрогин*, По изданию: Русская мысль, 1914, Кн. V, с. 80–89. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn022.htm>.

⁹ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона», *Рукописные редакции...*, с. 275.

¹⁰ В. И. Иванов, указ. соч., с. 427.

¹¹ Ср. *Отк.* 20, 14.

творчества) он напрасно будет выжидать *нового откровения*, потому что для него *не возможна та вера, в которой нет спасения для Ставрогина*¹².

Этот новый апокастасис, зарожденный болезненной любовью к падшему Божьему созданию (не исключая злых духов) и ко всякому творчеству есть следующее сатанинское наваждение, постигшее православную душу в наши *последние времена*. Именно это необузданное ничем, истинно демоническое сочувствие, *новое откровение* – а на самом деле карикатура Божьей любви и соревнование с ней – многих соблазняет. Таким образом сбывается *Апокалипсис*: – в *последние времена* создается подмен Церкви Христовой – сообщество сатаны.

Достоевский, несмотря на всю любовь к *бедному, погибшему юноше*, непоколебимо верит *старому* Откровению (Евангелию) -- отсюда и горесть прозорливого Тихона и пророчество о последнем, самом ужасном преступлении.

*Была судьба Ставрогина до «Бесов», и будет судьба его после «Бесов»*¹³ – это правда, ибо независимо от человеческого выбора, его душа бессмертна – но провозглашать *идею всеобщего спасения* – сущая ересь. Гибель Николая Всеволодовича есть *вторая смерть* и он уже не может воскреснуть – страшно, тем более что еще при жизни ему это было известно:

Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: «Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает». Я думаю, люди становятся бесами или ангелами. Говорите; несправедливо наказание вечное, и пищеварительная французская философия выдумала, что все будут прощены. Но ведь земная жизнь есть процесс перерождения, Кто виноват, что вы переродитесь в черта. Все взвесится, конечно. Но ведь это факт, результат – точно так же, как и на земле все исходит одно из другого. Не забудьте тоже, что времени больше не будет, так клялся ангел¹⁴.

¹² Н. А. Бердяев, указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Ф. М. Достоевский, *Бесы; Глава «У Тихона», Рукописные редакции...*, с. 184.

4. Рай потерянный – трагедия Ветхого Завета

С клинообразной вершушкой холм поднимался средь моря,
Так, что его отовсюду вода окружала. Забравшись
На середину холма, безобразный Циклоп там уселся...
Мы укрылись в пещере, где Асис держал меня
Крепко в нежных объятиях...¹⁵

Бывают такие сны, в которых нам неожиданно открывается сущность вещей. То, что непостижимо упорядоченному ходу мыслей, вдруг обнаруживается во сне, так как тогда дух ничем не скован, нет категорий разума и предварительных условий – блаженное состояние младенцев.

Сон Ставрогина указывает на сокровенный предмет его неизлечимой тоски:

Мне приснился совершенно неожиданный для меня сон, потому что я никогда не видал в этом роде. В Дрездене, в галерее, существует картина Клод Лоррена, по каталогу, кажется, «Асис и Галатее», я же называл ее всегда «Золотым веком», сам не знаю почему. Я уже и прежде ее видел, а теперь, дня три назад, еще раз, мимоездом, заметил. Эта-то картина мне приснилась, но не как картина, а как будто какая-то быль.

Это – уголок греческого архипелага; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце – словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, здесь первые сцены из мифологии, его земной рай... Тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; рощи наполнялись их веселыми песнями, великий избыток непечатных сил уходил в любовь и их простодушную радость. Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своих прекрасных детей. Чудный сон, высокое заблуждение!¹⁶

Картина Лоррена¹⁷ изображает безупречную гармонию легендарной Аркадии – старинной мечты человечества. Здесь нет элемента трагического, никаких антиномий. Не искаженная страстью любовь

¹⁵ Публий Овидий Назон, *Превращения*, пер. с лат. Ф. Матвеева, Москва 1876, с. 163. Приводится по: Ф. М. Достоевский, *Бесы; Глава «У Тихона»*, Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 7, прим. к с. 653, Ленинград 1990, с. 846.

¹⁶ Там же, с. 653.

¹⁷ См. картину и ее описание: *Claude Lorrain; W kręgu sztuki*, pod red. Janiny Michałowskiej, Warszawa 1969; M. W. Ałpatow, *Galeria Drezdeńska*, wyd. "Arkady" (b. m.) 1974.

Асиса и Галатей выражается прикосновением рук, взглядом в глаза, любовным колыханием. Им не угрожает безобразный Циклоп на холме. Он не ревнует Асиса и только, с прижатыми к груди руками, поет песню любви Галатее. Это есть совершенство красоты – отрешение от себя ради возлюбленного и смиренная радость смотреть на счастье другого.

В этой картине необычайную роль играет свет, который все преобразует в золото. Его источник, недоступный глазу, должен быть там, где золотистость неба наиболее сгущенная. Оттуда, через море, ведет к шатру влюбленных дорожка солнечного света, скользящего по волнам, будто знамение нисходящей благодати.

Ставрогин плакал – впервые в жизни. Невольные слезы, как потоки дождя, обильно обливали высушенную почву души. После таковых бурь обычно наступает лазурь неба с лентой радуги *в облаке* – знамение завета между Богом и землей после потопа¹⁸.

Ставрогин был вечным скитальцем, все время куда-то стремился, по чему-то тосковал. Очутившись внезапно в *обетованной земле* гармонии и счастья, он восхитился и захотел было остаться здесь навсегда:

Я поскорее закрыл опять глаза, как бы жаждающая возвратить миновавший сон, но вдруг как бы среди яркого-яркого света я увидел какую-то крошечную точку. Она принимала какой-то образ, и вдруг мне явственно представился крошечный красненький паучок. Мне сразу припомнился он на листке герани, когда так же лились косые лучи солнца. Что-то как будто вознилось в меня, я приподнялся и сел на постель...¹⁹

Гармонию пейзажа нарушает чужой элемент, еле видная точка – крошечный паучок, тот самый, которого Ставрогин рассматривал в момент самоубийства Матрени. Таким образом, грех разрушает счастье человека.

Первый грех людей открыл собою трагедию Ветхого Завета. Дети участвовали в вине родителей, они уже рождались обреченными и дополняли вину человечества собственными проступками: *Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет*²⁰.

¹⁸ Ср. Быт. 9, 8–17.

¹⁹ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона»..., с. 654.

²⁰ Там же, с. 659. Тожественную идею провозглашает Старец Зосима – ср. Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Москва 1987, с. 303 и след.

Николай Всеволодович, по плоти сын Варвары Петровны, от нее унаследовал *язву* гордыни. За его атеизм ответствен Степан Трофимович, который, как учитель и сверстник, исполняющий роль *духовного отца* для юноши, передал ему свое безверие. Безбожность в случае Ставрогина оказывается *невольной виной*. Его выбор: Агнец или дракон – заранее предначертан как воспитанием, так и первородным грехом:

(...) знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех²¹.

Ставрогин не верит в Иисуса Христа как в своего Спасителя, а следовательно, он участник трагедии человечества, обреченного на гибель до Голгофы и Воскресенского утра.

Лиза Дроздова всегда боялась того *места, где живет огромный злой паук в человеческий рост*²². Ужасное предчувствие оправдалось – Ставрогин ее туда привел и погубил, а все-таки старец Тихон, увидев ползущего паука, без отвращения сказал: *миленький*²³. Он ужаснулся гадостью зладеяния: (...) *более великого и более страшного преступления, как поступок ваш с отроковицей, разумеется, нет и не может быть*²⁴, но пожалел и простил грешника, потому что он проникнул весь глубочайший трагизм его поведения. Ставрогин даже не способен отличать добра от зла: *Я все так же, как и всегда, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю злого и тоже чувствую удовольствие*²⁵. В нем *твердого камня нет*, т. е. никакого критерия близких сердцу ценностей. Он грех взвешивает разумом, а ведь: *Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные*²⁶. Разумом можно только *раз-уметь*,

²¹ Рим. 7, 18–20.

²² Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 547.

²³ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона», *Рукописные редакции...*, с. 190.

²⁴ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона»..., с. 658.

²⁵ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 701.

²⁶ Там же, с. 266.

т. е. нажить знания, способности и навыки, но не в нем рождаются чувства (восторг и отвращение); им нельзя полюбить, а ведь **только любовь есть достаточное условие для веры** и, следовательно, здоровой морали:

Сожжение младенцев обратится в привычку, ибо все нравственные начала в человеке, оставленном на одни свои силы, условны. Дикарь Северной Америки сдирает волосы врага, мы же покамест считаем это отвратительным (хотя, может, делаем бездну мерзостей не лучше того и не замечаем). Теперь посмотрите: если вы верите, что христианство есть необходимость и подарок, милость Божия человечеству, которого бы человек один не достиг; если вы верите, что человек с колыбели своей был под непосредственным сообщением с Богом сначала Откровением, потом чудом явления Христова; если вы верите, наконец, что человек сам собою, своими силами погиб бы один и что, стало быть, надо веровать, что Бог непосредственно имеет с человеком сношение, — то тогда, предавшись христианству, вы никогда не примиритесь с чувством сжигания младенцев. Вот вам, стало быть, совсем другая нравственность. Значит, христианство одно только заключает в себе живую воду и может привести человека на живые источники вод и спасти его от разложения. Без христианства же человечество разложится и сгинет²⁷.

Трагедия Ветхого Завета включает в себе два корня вины древних греков. У евреев Бог Единый, античное *предпочтение одного божества другому* принимает вид богохульства. Человек бессилен в борьбе с собственным грехом; греша, он отвращается от Иеговы и присоединяется к лжебогу — сатане. *Вина своего возникновения* проявляется здесь как рождение человека в мире, уже отдаленном от Бога.

Хотя у избранного народа вина принимает двойное значение, но все-таки античная трагедия более «трагическая»: в ней нет никакой надежды на преодоление неразрешимых антиномий. Еврейская надежда связана с обетованным Мессией, который победит грех, мертвых выведет из преисподней и вернет людям рай утраченный. Стало быть, их трагедия временная:

Так говорит Господь: на этом месте, о котором вы говорите: «оно пусто, без людей и без скота», — в горах Иудейских и на улицах Иерусалима, которые пусты, без людей, без жителей, без скота, — Опять будет

²⁷ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона», *Рукописные редакции...*, с. 181–182.

слышен голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты, голос говорящих: «славите Господа Саваофа, ибо благ Господь, ибо вовек милость Его», и голос приносящих жертву благодарения в доме Господнем; ибо Я возвращу пленных сей земли в прежнее состояние, говорит Господь²⁸.

Так как Николай Ставрогин не поверил Христу, он прибавил к трагедии Ветхого Завета новый корень вины – отсутствие надежды. За это он сам отвечает, ибо выбор между надеждой и отчаянием был оставлен воле человека.

5. Мать Сыра Земля

*Жена, облеченная в солнце бежит от дракона в пустыню. Там она облачается в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. Она приготовила себя к встрече с Женихом – к своему браку с Агнцом. А когда наступило новое небо и новая земля, жена, невеста Агнца, явилась на высокой горе как великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога*²⁹.

В полумраке, в углу незапертой комнаты, сидит смиренно Марья Тимофеевна. Ее созерцательная жизнь проходит в непрестанном ожидании: *по восьми часов, по целому дню сидит на месте*. Перед ней, будто перед иконой, горит тоненькая свечка в железном подсвечнике. В ее серых глазах – окне души – выражение тихой, искренней радости: *Странно мне на вас смотреть; не понимаю я как это люди скучают. Тоска и скука. Мне весело*³⁰.

На тесовом столе лежат *необходимые вещицы*: деревенское зеркальце, старая колода карт, истрепанная книжка песенника и слобная булочка, которую ради Христа ей подарила богомольная старуха.

Юродивая *белится и румянится и губы чем-то мажет*. Зачем? Возможно ли, чтобы она кого-то выглядывала? Она красится и волосы причесывает для своего Жениха. Гадает о дне Его пришествия и песню Ему поет:

²⁸ Иер. 33, 10–11.

²⁹ Ср. Отк. 12, 1; 19, 8; 21, 1; 21, 10.

³⁰ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 152.

Мне не надобен нов – высок терем,
Я останусь в этой келейке,
Уж я стану жить – спасаться,
За тебя буду молиться³¹.

В ней, как в зеркале, отражается душа великой Матери Сырой Земли, той самой, которая питает белыми булочками своих детей и хоронит их порезанные тела:

«Богородица что есть, как мнишь?» – «Великая Мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, Богородица – великая Мать Сырая Земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол аршина в глубину, то тотчас же о всем возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, такого, говорит, есть пророчество»³².

Долгожданная ночь. Стол накрыт праздничною скатертью, комната устлана прекрасным ковром. Большое мягкое кресло – пустой престол на день второго пришествия. Светильник Марьи Тимофеевны – зажженная в углу, перед образом Пресвятой Девы Марии, лампадка горит – и не потухнет.

На столе, кроме обычных аксессуаров, две книжки: *выдержки из одного популярного путешествия* для молодежи – ведь Он возвращается после долгих скитаний – и *сборник легоньких нравоучений и большешою частью рыцарских рассказов* – ибо Он непременно должен явиться на белом коне, как рыцарь. *Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует*³³, во главе воинства небесного. Он вверил людям свое новое нравоучение (новую нравственность): *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас*³⁴. И теперь Он приходит во славе свершить суд.

Есть тут и трагизм хромой Марьи, верной и кроткой: *Виновата я, должно быть, перед ним в чем-нибудь очень большом, (...), вот не знаю только, в чем виновата, вся в этом беда моя ввек*³⁵. Это опять же вина появления на свет из трагедии греков, которая в словаре

³¹ Там же, с. 156.

³² Там же, с. 154–155.

³³ *Откр.* 19, 11.

³⁴ *Иоан.* 15, 12

³⁵ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в): Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 291.

иудеохристианской традиции наименована первородным грехом. Православные понимают его как болезнь человеческой природы и невольное стремление к злу, но отнюдь не считают его ответственностью за вину прародителей, которой будто следует отмщение всему человечеству Божьего правосудия³⁶.

Хромоножка, как и вся земля, нуждается в Спасителе. Только Он выше всех духовных антиномий, невозможное в Нем становится возможным – в этом-то и сущность веры.

Разве тогда реальным было и спасение Ставрогина? Если так, то каким образом удержать трагизм высших предначертаний? – основное условие для настоящей трагедии. В самом деле, Христос упразднил пафос античной и еврейской трагедий, как и уничтожил богов древней Греции.

6. Свидетель антихриста

В «Бесах» Николай Ставрогин исполняет роль апокалипсического лжепророка: *И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон*³⁷. Он, подобно лжепророку, *творит великие знамения*, в виде больших порывов духа (лжелюбовь) и разума (лжефилософия); *он обольщает живущих на земле*, и ведет их к гибели.

Хотя Ставрогин и не соблазняется ролью Ивана-Царевича, но ведь это не противоречит его дьявольскому призванию. Как же *другой зверь*, действующий *со всею властью первого зверя*, мог бы согласиться на мелкую роль Царя-Самозванца – ведь тогда он стал бы лишь куколкой в руках своего раба, Петра Верховенского? Блаженная Марья Тимофеевна прямо нарекает его *самозванцем* и проклинает анафемой от имени Церкви, но это относится к его дерзновению на престол *Царя царей*.

Согласно пророчествам антихрист похож на Жениха-Сокола, но сердце верной невесты безошибочно распознало филина-искусителя под обаятельной личиной. Он, как посланец и предтеча дракона, преследует жену и пытается ее соблазнить предложением отречься от

³⁶ Ср., напр., Силуан (Ливи), Епископ Лунийский, *Церковь Святых Отец наших*, Перевод протопресвитер Виталий Стелян, Первое итальянское изд.: Pietro Chergai Editore Firenze. ISBN 88-87671-11-7, без места и года, с. 11.

³⁷ Отк. 1, 11.

родной земли и вместе с ним укрыться в горах чужеземного кантона Ури:

И небо скрылось, свившись в свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих; И цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, И говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?³⁸

Но смиренномудрая юродивая точно знает, что ее сокол *где-то там, за горами живет и летает, на солнце взирает*³⁹; он не прячется в мрачные ущелья, где *горы теснят зрение и мысль*⁴⁰. Поэтому Блаженная с презрением прогоняет искушителя: *Прочь, самозванец! – повелительно вскричала она, – я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!*⁴¹ За это-то и зверь растерзал ее увечное тело, прежде поругав названием *сумасшедшей*, а его поклонники, тоже ночью, ограбили ризу и венец иконы Богоматери, совершив при этом безобразное кощунство с мышью:

Достоевский хотел показать в «Бесах», как Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества «бесов», искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания. Он хотел показать, как обижают бесы, в лице Души русской, самую Борородицу (отсюда символический эпизод поругания почитаемой иконы), хотя до самих невидимых покровов Ее достичь не могут (символ нетронутой серебряной ризы на иконе Пречистой в доме убитой Хромоножки)⁴².

Так вот продолжается древняя война. Она началась «на небесех» столкновением сонмов Архистратига Михаила и сатаны – в четвертый день Творения – а закончится последней битвой на земле, в которой сам Агнец будет воевать во главе уверовавших в Него до конца:

И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был зверь

³⁸ Там же, 6, 14–17.

³⁹ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 294.

⁴⁰ Там же, с. 700.

⁴¹ Там же, с. 294.

⁴² В. И. Иванов, указ. соч., с. 440.

и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми обольстил принявших начертание зверя и поклонившихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою⁴³.

Предстоит еще разрешить одну «теургическую загадку», которую Вячеслав Иванов относит к явлению богоносца – стало быть, предмет религиозный, но она имеет смысл тоже как художественный вопрос. Иванов спрашивает: *как возможен приход сужденного Земли русской жениха-богоносца?*⁴⁴ Этот вопрос можно также отнести к другим лицам эсхатологической драмы. Как возможное явление в русской Земле верной жены Агнца? Как возможен приход антихриста, грядущего во имя первого зверя?

Как богоносца нельзя назвать Христом, а только тем, кто *отдал свое я Христу и Христа вместил*. Как праведную женщину нельзя считать второй Богородицей, а только ее подобием – деревенской иконой, которая отдаленно отражает красоту *Жены облеченной в солнце*, так возможен и отпечаток антихриста в человеческой душе. Этот феномен мы можем наблюдать на иконе Страшного суда, где рядом с преображенными ликами святых, похожими на лик Спасителя, изображены отвратительные личины проклятых, сходные с личиной сатаны.

Человек, одержимый бесами – это тот, кто свое *я* отдал дьяволу (не всегда сознательно). Для него слова св. Павла: *И уже не я живу, но живет во мне Христос*⁴⁵ – сменяются ужасным признанием: *И уже не я живу, но живет во мне сатана*. Он соучастник сатаны, с которым Христос не имеет ничего общего⁴⁶. Согласно православной традиции, это показательно обнаруживается после смерти, когда душа подвергается испытаниям двадцати мытарств, символически определяющих двадцать *помыслов злобы* (страстей). Если во время испытания обнаружится, что человек переродился в демона, его душа сразу же ниспадает в ад, при неистовом визге демонов и большом плаче защищавших его ангелов⁴⁷. Но ведь кажется невозможным, чтобы человек полностью преобразился в беса, он носит его внутри, беснуется, но борьба еще не окончена, какой-то инстинкт самосохранения – в душе – велит ему отчаянно искать спасения.

⁴³ Откр. 19, 19–20.

⁴⁴ В. И. Иванов, указ. соч., с. 444.

⁴⁵ Гал. 2, 20.

⁴⁶ Ср. Иоан. 14, 30

⁴⁷ См. *Откровение преп. Феодоры ученику преп. Василия Нового преп. Григорию (ч. м. 26 марта)*, в: *Исповедь в порядке двадцати мытарств*, Москва 1999, с. 4–14.

Ставрогин все еще мечется. Сразу же после предложения Петра Верховенского, жреца *первого зверя*, он бежит к рабу Христову – архиерею Тихону. Должно быть, где-то там – в затаенных глубинах его души – ведется *невидимая брань* и ангел Божий пытается разжечь в нем искорку надежды.

Перед Николаем Всеволодовичем вдруг раскрывается поднаготная бесовского обмана. Бесы его использовали и теперь бросают, как бросают *дырявую деревянную барку на слом*⁴⁸. Он всем собою засвидетельствовал о лжепророке, а сейчас ему предлагают ничтожную роль царевича-самозванца. Его гордыне всегда льстило сознание обитаемой в нем *беспредельной* силы, пусть даже демонического происхождения, но зато слишком незаурядной – ради своей оригинальности он служил дьяволу. И тут неожиданно – *несмотря на всю трагедию* – Ставрогин оказался *очень комическим лицом*⁴⁹. Бесовская шутка – мелкая трагикомедия, взамен высокой трагедии; обнаружилось, что его обаятельный демон это только: *мелкий, гаденький, залотушный бесенок с насморком, из неудавшихся*⁵⁰.

Николай Ставрогин не вынес хихикания бесенят, не захотел даже ждать Страшного судилища над сатаной и его приверженцами. Он повесился, как Иуда, не дождавшийся Воскресного утра.

7. Конец мировой трагедии

Вышел Ставрогин из своего внутреннего ущелья-гроба, как одержимый бесами гадаренчик. Заговорил он со старцем Тихоном (...) *с такою странною откровенностью, не виданною в нем никогда, с таким простодушием, совершенно ему несвойственным, что казалось, в нем, вдруг и нечаянно, исчез прежний человек совершенно*⁵¹. Он обнаружил свой страх и свое бессилие, и рассказал о мучившем его бесе. Но очень быстро постыдился *избыточной искренности* – свою внутреннюю нищету он прикрыл личиной гнева. Уловки и маски предсказывали конечный результат его мнимой исповеди перед старцем.

⁴⁸ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 555.

⁴⁹ Ф. М. Достоевский, *Бесы; Глава «У Тихона»...*, с. 659.

⁵⁰ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 310.

⁵¹ Ф. М. Достоевский, *Бесы; Глава «У Тихона»...*, с. 638.

Признавшись в злодеяниях, Ставрогин действительно очистил свой дом от бесов, и Тихон был поражен высоким намерением, но этот дом, пусть убранный, оставался незанятым, и ему угрожало семь новых духов, злейших чем первый⁵². Старец верно прозрел неполноту подвига – отсутствие христианского смирения. Он даже безверие готов был простить, ведь и в Евангелии отец отрока, одержимого немым бесом, колебался в вере, но любовь больше есть (даже веры)⁵³, и страждущий отец смиренно, со слезами исповедует Иисусу свою немощь – внутреннюю антиномию: (...) *верую Господи! Помоги моему неверию*. Потом, уже дома, Равви объяснил ученикам, что такой род бесов не выходит из человека иначе, как от молитвы и поста⁵⁴.

Николай Всеволодович пытался все решить одним постом (подвигом), он хотел собственными силами – без моления людей и Христа – достигнуть исцеления. Внутренне он был даже похож на евангельского отца, Кириллов справедливо рассудил: *Ставрогин если верует, то не верует, что он верует*⁵⁵. Но его сердце переполняла гордыня (и в этом существенное отличие). Вместо того, чтобы Спасителю отдать свое безверие, он гордо заключает: *Коли недостаточно верую – значит, ничему не верую*. Таким образом, Ставрогин приходит к совершенному нигилизму, отвергает исцеляющую руку, но сам ведь он не найдет выхода и очнется в тупике.

Недаром Достоевский свел *надменного барчка* именно со Старцем Тихоном (Задонским), который учил о смирении, как об основе и начале всех христианских добродетелей. Всем, кто хочет научиться христианской жизни, он велел начинать со смирения – подобно детям, начинающим учебу с азбуки, – и высокое мнение о себе он считал великим горем и несчастьем человека⁵⁶. А ведь нынешнее состояние людей должно вести их к покаянию, не к гордыне:

/человек/ (...) был храмом и жилищем Духа Святого, но стал обиталищем нечистых духов; был жителем пресладкого рая, как царь прекрасного дворца, но изгнан в мир сей как бы в ссылку: вот какого блаженства лишился, к какому несчастью подвергнулся человек! Подверглись и мы все,

⁵² Ср. *Мат.* 12, 43–45.

⁵³ Ср. *1 Кор.* 13, 13.

⁵⁴ См. *Мат.* 17, 21.

⁵⁵ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 640.

⁵⁶ См. *Наша духовная азбука* (Из «Сокровища Духовного» Святителю Тихона Задонского, Свято-Троицкая Лавра 1900, с. 3–4.

его потомки. Тебе, Господи, правда, нам же стыдение лица! (Дан. 9, 7). Согрешихом со отцы наши, беззаконновахом, неправдовахом! (Пс. 105, 6). Что же остается человеку в таком бедствии думать и говорить, как только одно: согреших, Господи, помилуй мя! – Бог хочет от нас одного, чтобы мы познали свою бедность перед Ним и смирились, и в смирении жили и тогда Он сам поведет нас к нашему блаженству. Это и означают слова Апостола: смиритесь убо под крепкую руку Божию, да вы вознесетесь во время: всю печаль свою возвери на Нь, яко Той печется о вас (1 Петр. 5, 6–7). Бог наш есть Бог всемогущий: все из ничего делает⁵⁷.

Святитель предложил Ставрогину стать тайным послушником у схимника и учиться у него смирению. Но вместо согласия он услышал проклятие: *семь бесов* уже нашло убранное седилище и снова началось беснование. Гибнет Хромоножка, Шатов, Кириллов и другие, наконец и самого Ставрогина уносят бесы, как гадаринских свиней, к гибели.

Старец Тихон предлагал Ставрогину не только определенный стиль жизни (послушание), но вместе с этим надежду. Принимая ее, он мог подвергнуться действию милости Всемогущего, о котором Иисус Назарянин засвидетельствовал: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*⁵⁸. Николай Всеволодович должен был совершить *самоубийство*, но отнюдь не физическое, а духовное – умереть миру, греху (*Ибо умерший освободится от греха*⁵⁹) и прежде всего прежнему способу мышления. Ему надлежало сделать вещь совсем нелогичную, которой никто от него не ожидал. Иначе говоря, он должен был духовно умереть с Христом, в которого почти не верил, чтобы подчиниться Божьей антилогике – воскресению. Может быть, именно из-за этой психологической нецельности даже сама встреча Ставрогина со старцем показалась редакции «Русского вестника» небылицей, и они отказались печатать главу «У Тихона». Но какое дело православному писателю и его положительному герою до мудрых и ученых *сего мира*, когда идет крупнейшая игра – решается вечная участь Ставрогина и одновременно всего человечества. И пусть там редакторы доказывают, что истина вне Христа, им все-таки *лучше остаться со Христом, нежели с истиной*⁶⁰, как Симону Петру, когда почти все

⁵⁷ Там же, с. 10–12.

⁵⁸ *Иоан.* 3, 16.

⁵⁹ *Рим.* 6, 7.

⁶⁰ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 264.

ушли: *Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, И мы уверовали и познали, что Ты – Христос, Сын Бога живого*⁶¹.

Не стыдись и не сердись на себя, Николай Всеволодович, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг⁶². Замолчи! И вслушайся в слова Агнца и к тебе обращенные: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною*⁶³. И следуй за невестой и за Духом Святым, которого не зная, чтишь⁶⁴: *И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром*⁶⁵.

Не стыдись и не сердись ни один человек на земле, что ты жалок и нищ! Только смиренненько скажи Ему: *прииди!* Потому что Он, Иисус Христос, есть *Deus ex machina* в мировой трагедии человечества. Он уничтожает грех Адама, вместе со всеми его последствиями, и ведет людей к новому Эдему – святому городу Новому Иерусалиму.

8. Жены у пустого гроба

Мокрые от слез глаза Марии Магдалины у пустого гроба⁶⁶ и тоска в серых глазах Марьи Тимофеевны. Большие неподвижные глаза ребенка – Матрешы, которая в отчаянии смотрит на Ставрогина и свет бесконечного счастья в глазах Сони Мармеладовой⁶⁷. Эти женщины не кричат, они только глядят, а их взор выражает все: надежду, любовь или боль соблазненной невесты.

В первый день недели, на рассвете, с приготовленными ароматами, пришли они к гробу: Мария Магдалина, из которой Иисус изгнал семь бесов, и другая Мария, мать Иакова, Соломина и Иоанна, и другие. Пришедши, они нашли камень, весьма велик, отваленный, а внутри гроба сидел юноша в белой одежде:

Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; Его нет здесь: Он воскрес, как сказал; подой-

⁶¹ Иоан. 6, 68–69.

⁶² Отк. 3, 17.

⁶³ Там же, с. 3, 20.

⁶⁴ Ср. Ф. М. Достоевский, *Бесы; Глава «У Тихона»...*, с. 661.

⁶⁵ Отк. 22, 17.

⁶⁶ См. Иоан. 20, 11–16.

⁶⁷ См. Ф. М. Достоевский, *Преступление и наказание*, Москва 1969, с. 556.

дите, посмотрите место, где лежал Господь, И пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предворяет вас в Галилее: там Его увидите; вот, я сказал вам. И вышедши поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его⁶⁸.

Не все женщины сразу начали возвещать, некоторые очень испугались: *из объѣл трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись*⁶⁹. Но все-таки Благая Весть от пустого гроба распространяется по всему миру и многие за нее умирают – даже такие, кто Духа Святого не зная, чтят Его несознательно. В мире, где рыщут бесы, мы везде натываемся на следы Благой вести. Она присуща жизни двух *циклопов*: Маврикия Николаевича и Шатова, которые не обижаются на своих неверных Галатей (Лизу и Marie), но до конца любят их и защищают. Софья Матвеевна идет с Евангелием в народ, а Марья Тимофеевна уже знает Жениха и поэтому она внимательно всматривается в лица встречаемых, чтобы только распознать. Вполне естественно, что она Ставрогина прогоняет, а с Шатушкой дружески беседует, так как в его чертах находит предвестника нового человека Божьего. За верой следуют дела и оживляют ее: Софья Матвеевна милосердно заботится о физически и душевно больном Степане Трофимовиче, она читает ему отрывок из Евангелия об исцелении бесноватого Христом. Но и она заколеблется: ей не хватит воли противиться взбешенной *тиранке* Варваре Петровне. Софья вскоре оставит свой подвиг и поселится в Скворешниках.

Лиза мечется, ее влечет к Ставрогину – бесы искушают, но в ее душе все еще идет борьба. Кошунство над иконой Богородицы вызывает у нее гнев, она преклоняется перед образом и жертвует бриллиантовые серьги. Поглумившись у Семена Яковлева над Маврикием, она отчаянно умоляет его встать с колен. Наконец, после своего падения, она все-таки возвращается к верному ей *циклопу* и умирает у него на его руках.

Нечто подобное происходит и с Marie: она бросила мужа, Ивана Шатова. Тот ее простил и, беременную от Ставрогина, принял в свой дом. Там произошла *великая радость*⁷⁰ – рождество. Вместе с ребенком в Marie рождается любовь, и хотя она скоро умерла, но перед смертью

⁶⁸ Мат. 28, 5–8.

⁶⁹ Мар. 16, 8.

⁷⁰ См. Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, с. 616.

научилась любить и это ее спасло: *прощаются ее грехи многие за то, что она возлюбила много*⁷¹.

Таким-то образом, почти незаметно, в мире, которым овладели бесы, сверкают искорки Божьей любви. Все, на кого они падают, подвергается исцелению, и хотя их тела терзают демоны, ризы остаются нетронутыми. Они уходят из сего мира: *в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих*⁷², как настоящие мученики за Благоую весть.

9. Катарсис

Для русской христианской проблематики очень интересно, что в александрийскую эпоху жил величайший русский поэт Пушкин и величайший русский святой Серафим Саровский, которые никогда друг о друге ничего не слышали. Это и есть проблема отношений между гениальностью и святостью, между творчеством и спасением...⁷³

Достоевский с самого начала следует гоголевской традиции. Он, как и его литературный предтеча, темой художественного описания сделал человеческую душу⁷⁴, в то же время не потеряв красоты формы. Напротив, художественность, наполненная глубоким содержанием, приняла полный, вневременной масштаб. Синтез святости и художественности – вот сущность творчества Федора Михайловича Достоевского. Он хорошо знал, что искусство, оторванное от настоящих ценностей, обедняется и, подобно всякой деятельности, не утвержденной верой в Бога, в конечном итоге ведет к нигилизму и, следовательно, к хаосу и самоуничтожению. Недаром прозорливый старец велит Ставрогину найти *твердый камень* – живую веру. Не случайно также гениальная личность Николая Всеволодовича, не приобретши веры, погибает:

Судьба Ставрогина есть распадение большой творческой личности, которая вместо творчества новой жизни и нового бытия, творческого вы-

⁷¹ Лук. 7, 47.

⁷² Отк. 7, 9.

⁷³ Н. А. Бердяев, указ. соч., с. 63.

⁷⁴ Ср. Н. В. Гоголь, *Выбранные места из переписки с друзьями*, (в:) *Сочинения Н. В. Гоголя*, Москва 1889, т. IV, с. 252–253.

хода из себя в мир, истощилась в хаосе, потеряла себя в безграничности. Сила перешла не в творчество, а в самоистребление личности⁷⁵.

Гибель Ставрогина есть предостережение для России и всего мира, который все более и более удаляется от Бога, а опустошенный дом становится легкой добычей для бесов.

Федору Михайловичу с большим трудом писались *Бесы*. Ему угрожала опасность испортить дорогую сердцу идею тенденциозностью:

На вещь, которую я теперь пишу в «Русский весник», я сильно надеюсь (...), но не с художественной, а тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хотя памфлет, но я выскажусь⁷⁶.

В тяжких схватках реза идеи с неподатливой материей слова родилось новое понимание красоты. В итоге она оказалась эстетически и этически тождественной и спасла искусство, не отрываясь от христианских основ. Согласно этому новой эстетике, которая на самом деле есть возрождение Святоотеческого мировоззрения в области искусства: *Дух Святый есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней*⁷⁷. В таком значении писатель, творя подлинно прекрасное, одновременно повышает чувствительность читателя к этическим ценностям. Выступление против греха есть борьба с безобразием. Болезнь Николая Всеволодовича, обнаруженная в неумении различать добро от зла, сводится к эстетическому невежеству. Даже его увлечение Лорреном связано с тоской по гармонии-красоте, но оно отнюдь не предрепает наличия подлинного вкуса. Он одинаково ощущает удовольствие как от доброго дела, так и от злого: *Николай Ставрогин объясняет, что прекрасное и в обваренной ручке ребенка (Потому, что почвы нет)*⁷⁸. Иначе ведет себя Тихон, стоящий на камне веры: у этого здравый вкус и грех Ставрогина он осуждает также в эстетическом смыс-

⁷⁵ Н. А. Бердяев, *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.*, в: *О России и русской философской культуре (Философы послеоктябрьского зарубежья)*, Москва 1990, с. 63.

⁷⁶ Ф. М. Достоевский, *Бесы*, (в:) Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в десяти томах...*, *Примечания*, с. 707.

⁷⁷ Ф. М. Достоевский, *Бесы*; Глава «У Тихона», *Рукописные редакции...*, с. 154.

⁷⁸ Там же, с. 275.

ле: *Красивости нет (и велик подвиг, а красивости нет), вас убьет некрасивость, не выдержите*⁷⁹.

Согласно древнегреческому пониманию искусства,

Очищением (катарсис) должна разрешаться антическая трагедия; в древнейшую пору это очищение понимали в чисто религиозном смысле, как блаженное освещение и успокоение души, завершившей круг внутренне мистического опыта, действительно приобщившейся тайнам страстного служения Дионису – богу страдающему. Аристотель катарсис понимал по-другому: *целительное освобождение души от хаотической смуты поднятых в ней со дна действием трагедии аффектов, преимущественно аффектов страха и сострадания*⁸⁰.

Русские иконописцы очень редко изображали бесов и грешников, осужденных на вечные муки; любимая тема икон – сияющие лики: Христа, Богородицы и преображенных святых. Икона Страшного суда, на которой рядом со святыми появляются демоны и проклятые люди, представляет собою исключение. Страшный суд на иконах и фресках должен был произвести потрясение в душах верующих и таким образом побуждать их к отречению от греха и к сочетанию со Спасителем. Подобное действие произвела картина Страшного суда на Гоголя, о чем он вспоминает в письме к матери:

Один раз, я живо, как теперь, помню этот случай, – я просил Вас рассказать мне о Страшном суде и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешников, что это потрясло мною и разбудило во мне чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли⁸¹.

Бердяев утверждает: *о (возможном) положительном смысле прохождения через зло, через бездонные испытания и последнюю свободу. Через опыт Ставрогина...*⁸² Это неправда, что опыт зла и смерть приведут Николая Всеволодыча к воскресению и обновлению в будущем, но образ его гибели может предостеречь других. Переживание на сцене романа чужого греха, который ведет к смерти, должно повлиять на жизнь зрителя.

⁷⁹ Там же, с. 268.

⁸⁰ В. И. Иванов, указ. соч., с. 411.

⁸¹ К. Мочульский, *Духовный путь Гоголя*, Paris 1934, с. 9.

⁸² Н. А. Бердяев, *Ставрогин...*

STRESZCZENIE

Artykuł jest próbą ujęcia losów Stawrogina na splocie trzech tradycji: tragedii antycznej, Starego Testamentu oraz objawień Nowego Przymierza. Rodzi się podstawowe pytanie: czy nieudana próba nawrócenia Mikołaja Wsiewołodycza to wynik sprzeczności natury metafizycznej – przez co byłaby z góry skazana na niepowodzenie – czy też istniała realna szansa przezwyciężenia tragizmu głównego bohatera „Biesów”. Dramat walki pomiędzy siłami dobra i zła w duszy ludzkiej został ukazany w kontekście prorostw eschatologicznych św. Jana Ewangelisty. W tym ujęciu Stawrogin jawi się jako apokaliptyczny świadek antychrysta prześladowającego w świecie Oblubienicę Baranka, której odbiciem w powieści jest Maria Timofiejewna. Rozstrzygnięcie kluczowego problemu tragizmu ujęto w końcowej części rozdziału „Мать Сырая Земля”, w formie tezy, która zostanie uzasadniona w rozdziale „Конец мировой трагедии”. Rozdział „Жены у пустого гроба” jest próbą odnalezienia dobrej nowiny w „Biesach” – w tym kontekście rozpatrywane są postacie kobiece pełniące rolę świadków radosnej wieści Wielkanocnej. Zakończenie – „Катапсис” ukazuje oczyszczające działanie sztuki – tragedii – w odniesieniu do powieści Fiodora Dostojewskiego.